

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

С.Н. Погодин

СОЦИОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛУЧИЦКОГО*

В статье рассматривается научная деятельность И.В. Лучицкого, исследуются его труды по истории России, Малороссии, Украины. Основное внимание уделено анализу работ по общей истории. Исследуются его работы по истории Франции написанные на основе богатого архивного материала, полученного в результате научных командировок, дается анализ работ, посвященных истории общинного земледелия в Малороссии. Особое внимание уделено формированию его философских и социологических взглядов: рассматривается философская концепция позитивизма, определившая его научный путь. Также исследуются работы, посвященные социологии, дается оценка его вклада в социологическую науку.

Ключевые слова: социология, история, И.В. Лучицкий, позитивизм, Франция, Россия, Малороссия, Украина.

Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918) — российский историк и обществовед. Поступив в 1862 г. на историко-филологический факультет Киевского университета Святого Владимира, Иван Владимирович Лучицкий самостоятельно изучал работы Г. Гервинуса, Л. Бюхнера, Я. Молешотта, Л. Фейербаха. Огромное влияние на молодого начинающего историка оказала философско-историческая система Г.Т. Бокля (Погодин 1997: 206–207). Его труд «История цивилизации в Англии» поразил В.И. Лучицкого важностью поставленных проблем и научной методологией. «В громком признании важности экономического фактора для понимания исторических явлений заключается серьезная заслуга Бокля, — писал русский биограф Г.Т. Бокля Е.А. Соловьев. — Он видел, что политическая экономия дает основание для связи законов физических явлений с законами неравного распределения богатств, а отсюда и общественных неурядиц. Но отсюда до экономического материализма, до признания за экономическими явлениями первенствующей роли в истории — еще очень далеко.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (№ 15-03-00488).

Погодин Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (pogodin56@mail.ru)

Pogodin Sergey — Doctor of History, Professor, Head of the Chair of International Relations, Saint-Petersburg State Polytechnic University (pogodin56@mail.ru)

Бокль, по складу своего ума, своим убеждениям, идеалам — словом, радикал и свободный мыслитель уже по самому существу своей натуры, не мог утвердиться на экономической точке зрения. Вместо борьбы классов и неравномерного распределения богатств Бокль сделал центром своего исследования историю умственного развития» (Соловьев 1895: 56). Взгляды Г.Т. Бокля проникнуты безграничной верой в силу разума и общественного прогресса, ненавистью к клерикализму, убеждением в возможности использования научных методов, особенно статистики, для познания законов истории. Именно эти взгляды и стали главными в научной деятельности И.В. Лучицкого.

Зимой 1863 г. произошла «встреча», которая оставила большой след в жизни И.В. Лучицкого. При подготовке к экзамену по философии он познакомился с книгой «Cours de philosophie positive» неизвестного ему тогда автора Огюста Конта. Начав ее изучать с четвертого тома по-французски, т. к. автор в России был запрещен, В.И. Лучицкий был поражен ясностью и четкостью его мысли. «Конт могущественно повлиял на выработку всего философско-научного мировоззрения Ивана Васильевича», — отмечал Е.В. Тарле (Тарле 1914: 48).

О. Конт и его система признается И.В. Лучицким последним словом в науке и объявляется критерием для определения ценностей философской теории. Историк выдвигает на первый план необходимость изучения законов человеческой природы как определяющих социальную жизнь людей, провозглашающим фактором исторического развития прогресс в умственных убеждениях человечества. И.В. Лучицкий считал, что именно умственный прогресс является главным рычагом всякого исторического развития (Лучицкий 1873а).

Общее научное мировоззрение у И.В. Лучицкого сложилось под влиянием позитивистской философии О. Конта. Увлечшись О. Контом, «Лучицкий навсегда остался верным позитивизму, — отмечал Н.И. Кареев, — даже сосредоточив свое внимание главным образом на экономической истории, он, однако, не сделался экономическим материалистом, сохранив то широкое понимание “идеологической” стороны истории, с которым выступил в первых своих статьях в журнале “Знание”» (Кареев 1914: 3).

По своим общим историческим взглядам он также всегда был позитивистом. В лекции «Отношение истории к науке об обществе» (Лучицкий 1875: 1–42) он прямо заявлял себя последователем О. Конта, отстаивая научный характер истории, наличие в ней познавательной исторической закономерности. Он считал, что познанием общих законов истории должна заниматься особая наука — социология, которая еще для этого времени не созрела. История же, наука конкретная, эмпирическая, должна только собирать материалы для будущих обобщений социологии. Общество, по мнению И.В. Лучицкого, развивается на дуалистической основе, под воздействием, с одной стороны, биологической сущности человека, или его «человеческой природы», с другой — его социальной деятельности, порождающей и его «индустриальные», т. е. экономические функции. Историк должен изучать все стороны жизни общества, в том числе и «индустриальную», а также «социальную статистику»

или анатомию общества и его социальную «динамику» или его функционирование.

Влияние позитивизма на взгляды И.В. Лучицкого было различным в разное время. Можно выделить два периода. Первый — с 1866 по 1873 г. — характеризуется восторженным восприятием этого философского учения. «Критерием для многих теорий истории, — писал он, — необходимо признать Огюста Конта и его последователей» (Лучицкий 1875: 1–42). Историк считал, что основанием при выборе и оценке теории должны стать не личные взгляды исследователя, а та современная ему теория, которая составляет необходимый результат предшествующего умственного развития, наиболее полное и точное выражение того, что признается в других областях знаний, научный метод, научный взгляд. Такой теорией, с его точки зрения, должна быть признана теория О. Конта.

С 1873 г. начинается второй период, характеризующийся более критическим осмыслением теории позитивизма, связанный со стремлением И.В. Лучицкого к определению законов общественной жизни. «Случайные явления, потрясения, производимые в общественном организме, никогда не в состоянии произвести полных перемен в развитии человечества, — отмечал историк, — по крайней мере, мы не знаем до сих пор ни одного факта, доказывающего это. Потрясения, зависевшие от случайных причин, не имевших ничего общего с общими историческими причинами, в конечном результате вовсе не произвели резкой перемены в ходе развития. ... Несомненно, рассматривая в короткий промежуток времени случайные причины, которые оказывают известные действия, следы которых исчезают, раз мы обращаемся к изучению значительного пространства времени, действия постоянных причин — законов выступают наружу вполне. ... Раз эти элементы изучаются вместе со взаимным влиянием их друг на друга как в пространстве, так и во времени, результат иной, исследователь подмечает известную правильность как в смене явлений, так и в их соотношении в пространстве, правильность, которая дает ему основание предполагать существование законов» (Лучицкий 1873а: 87).

Но как найти эти законы? Отвечая на этот вопрос, И.В. Лучицкий видит задачу историка в том, чтобы «исследовать каждый отдельный элемент общественной жизни в его последовательных изменениях, затем подвергнуть параллельно такому же исследованию всю сумму остальных элементов, и, наконец, координировать и комбинировать в ряд хронологических групп так, чтобы ясно представлялась как последовательность в развитии всех элементов, так и их взаимная связь и соотношения в каждый данный момент» (Лучицкий 1875: 38). По мнению историка, «обобщение выводов не было предпринято никем до появления трудов О. Конта. Он первый произвел эту работу, опираясь на труды своих предшественников, и в то же время разработал основные начала исторических методов, положил самое широкое основание для социологии вообще. Каждый берущий на себя труд изучать явления социальной жизни вынужден так или иначе познакомиться с тем умственным движением, которое породила позитивистская философия» (Лучицкий 1873а: 68).

XIX в. по праву назван веком социальных наук и началом исследований в области социологии. Но что такое социология, в чем ее отличие от других

наук, в частности, от истории, из которой она вышла, — вот вопросы, которые так волновали И.В. Лучицкого. Отдавая должное заслугам О. Конта, русский историк в то же время скептически относился к самой, созданной французским ученым науке — социологии. «Но тот, кто стал бы искать социологию, как науку, действительно ли обладал бы шансом получить ее, открыть искомое. Ни в теории, ни в практике удовлетворительного ответа нет. Вряд ли кто-либо решился утверждать, что при том состоянии, в котором находится в настоящее время социология, при сильном еще господстве доктрин, представляющих непреодолимые затруднения, при оценке подлежащих актов и явлений она может считаться наукой» (Лучицкий 1875: 11).

Тезис о социологии как о формирующейся науке неоднократно встречается в работах И.В. Лучицкого: «социология существует еще как “*ria desideria*”, но имеет шансы сделаться наукой» (Лучицкий 1873а: 65). Если и отрицает историк социологию, то только по отношению ко времени середины 70-х гг. XIX в., т. к. она еще находилась только в стадии становления, но сама доктрина правильна, на нее можно опереться при исследовании социологического материала. И.В. Лучицкий дает перспективу развития социологии — «в социологии мы должны иметь дело с законами общественных явлений, должны рассматривать их и в пространстве, т. е. в их соотношении друг к другу, и во времени, т. е. в их последовательном развитии, как они проявляются во всем человечестве, выделить путем сравнения то, что в социальных явлениях есть общего, основывать выводы на всей сумме данных и истории, и биологии, хотя даже и при этом условии мы должны рассчитывать достигнуть лишь приблизительных только выводов, т. к. они могут быть доказаны лишь данными, входящими в возможный круг нашего наблюдения» (Лучицкий 1875: 17).

По мнению И.В. Лучицкого, существует два главных основания, на которых построена социология как наука. Первое — правильно и тщательно обработанный фактический материал и второе — законы человеческой природы, которые дают ей возможность «проверки и изучения общих эмпирических формул развития общества», — констатировал ученый (Лучицкий 1878а: 1).

Особенно тесны связи социолога с историком: «Дело социолога — открытие законов всех видов социальной деятельности и главным образом человеческого развития» (Лучицкий 1875: 18). Таким образом, Лучицкий отводит социологии роль точной науки, которая делала бы точные выводы, показывала действительные законы развития общественной жизни. «Дело историка — исследование конкретных фактов, отдельных видов или подвидов, разновидностей, явлений общественной жизни и общественного развития» (Там же). Таким образом, истории отводится место конкретного исследования, конкретных форм общественной жизни, задача которой состоит в открытии производственных законов, законов, управляющих развитием отдельных частей целого. «История будет показывать, — считал И.В. Лучицкий, — как общие законы, выведенные социологом для развития и строя человечества, проявляются в данной среде, как, по каким законам данное состояние производит последующее» (Лучицкий 1875: 19)

В 1878 г. И.В. Лучицкий перевел работу Г. Спенсера «Описательная социология, или группы социологических фактов, классифицированных и распределенных». Этот труд состоял из трех разделов, в каждом были таблицы, составленные из фактов, связанных с настоящим и прошлым различных обществ. Таблицы были сгруппированы по особой, придуманной Г. Спенсером, системе с объяснительным текстом к ним. Исследование было очень полезным и оригинальным, приведенные таблицы давали материал для глубокого социологического исследования. Перевод и публикация В.И. Лучицким работы Г. Спенсера получила высокую оценку у русского читателя. Позитивистская философия О. Конта определила В.И. Лучицкого и как историка. В основе его исторических изысканий лежал реализм, далекий от каких бы то ни было произвольных построений и романтических оценок. Поэтому он придавал особое значение источнику, в нем он видел путь раскрытия исторической действительности. По той же причине он считал наиболее убедительными исследования, документальная база которых состояла не из одного, даже пусть важного документа, а из корпуса памятников в целом. «Культе источников» не мешал И.В. Лучицкому понимать всю сложность процесса исторического познания. Он был далек от мысли, будто научная работа в области истории сводится к нахождению источников, их «внешней» и «внутренней» критике и «пересказу» содержащегося в них достаточного материала.

Именно это и имели в виду французские историки Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос, когда писали, что «...история — не что иное, как обработка документов» (Langlois, Seignobos 1899). Он категорически был не согласен с Фюстель де Куланжем, по мысли которого, «...тексты памятника должны были говорить сами от себя, историк должен играть роль их рупора, ибо никаких предварительных точек зрения ему иметь не разрешалось, так как они могли бы нарушить объективность исследования» (Неусыхин 1946: 21). Такой путь вел к произвольному толкованию этих текстов, неосознанному привнесению в их истолкование предвзятых точек зрения. Ведь всякий историк подходит к материалу с известными предпосылками, без которых вообще невозможно исследование. Эти предпосылки исходят не только от философских устремлений историка и субъективных особенностей его интеллекта, но и из живой исторической действительности, из окружающей историка объективной общественной среды, из его восприятия современности. Только при помощи современности, в самом широком смысле слова, вооружающей историка общими понятиями, показывает он историческое прошлое. К источникам возможен подход с различных сторон, с разной степенью обобщения. По мнению отечественного историка, специалиста в области методологии истории М.А. Барга: «...поскольку число фактов-событий, представленных в исторических источниках, сравнительно ограничено, а число фактов-граней, связей безбрежно, то именно в выявлении новых, ранее неизвестных сторон, связей, сцеплений, переходов и будет главным образом впредь происходить прогресс исторического знания» (Барг 1971: 71). Именно в новизне восприятия источника и заключалась одна из заслуг И.В. Лучицкого.

Историзм нашел свое воплощение в исследовательской методике, с которой связано широкое применение в науке историко-сравнительного метода.

Одной из важнейших теоретических предпосылок выработки этого метода следует считать идею прогресса человечества. Исторический прогресс человеческого общества стал восприниматься как неизбежное и необходимое поступательное движение. Теория прогресса сформировалась в XVIII в. в трудах Гердера, Кондорсе и других, в XIX в. она была представлена в философской системе О. Конта. Он считал необходимым применение сравнительного метода при изучении различных состояний человеческого общества. Такого рода сравнительное изучение, по его мнению, позволяло прийти к социологическим обобщениям и мышлению «охватить самые различные ступени общественного развития, начиная с обитателей Огненной Земли и кончая самыми цивилизованными народами Западной Европы» (Кон 1964: 14).

Русские историки исходили из убеждения, что полное знание о том или ином историческом явлении возможно лишь при условии его широкого сопоставления с явлениями, аналогичными или смежными. Н.И. Кареев называл историко-сравнительный метод «могучим орудием в деле формирования эволюционных законов» (Кареев 1903: 59). Историко-сравнительный метод, по мнению И.В. Лучицкого, уменьшает долю ошибки в изучении истории. Он проявляется в следующем. Первое — классификация всех теорий, второе — раскрытие связей с соответствующими движениями и взаимное отношение каждой группы со всеми остальными в ее историческом развитии, третье — движение, восходящее или нисходящее, которому следовали эти теории (Лучицкий 1875: 13). Исследование должно быть дополнено сравнением каждой из групп друг с другом в определенный период их развития и выделением того, что есть в них общего, в какой бы форме оно ни выражалось.

В тесной связи с историко-сравнительным методом находится ретроспективный метод и метод переживаний, которые так же широко были использованы И.В. Лучицким. Эти два метода неразрывно связаны между собой. Ретроспективный метод состоит в том, что историческое явление изучается хронологически в обратном порядке — от более поздних времен к более ранним. Ученый здесь, идя от известного к менее известному, спускаясь все ниже по ступеням в глубь истории, пытается проследить эволюцию изучаемого явления и установить его исходную причину. Являясь сторонником ретроспективного метода, опираясь, главным образом, на историческую традицию, выступающую всегда в форме исторических пережитков, которым придается большое познавательное значение, исследователь должен обладать не только историческим талантом, но и быть первоклассным этнографом. Здесь требуется прежде всего тонкий ретроспективный анализ пережитого факта, который состоит в том, чтобы правильно обнаружить взаимосвязанные ступени, идущие в глубь истории и приводящие к первоначальному его состоянию. Чтобы осуществить столь сложный анализ и получить верный результат, ученому необходимо располагать большим универсальным сравнительным материалом, глубокими и конкретными знаниями изучаемого явления на протяжении всего пути его развития. Исторические пережитки внешне кажутся поверхностными, однако их правильное распознавание представляет большую трудность, преодоление которой во многом зависит от индивидуальности ученого.

С конца 1970-х гг. в научной деятельности И.В. Лучицкого преобладает увлечение экономической историей нового времени, в частности, западно-европейского крестьянства. Определенное влияние на его методологические представления оказал Д.С. Роджерс (1828–1890), роль и значение которого высоко оценивали русские историки (Кареев 1894: 15). Д.С. Роджерс своими трудами наметил начало нового направления в развитии исторической науки, он радикально изменил то, что называют научной историей, научной политической экономией. Благодаря ему на первый план выдвинулся экономический фактор и была поставлена главная задача — изучение во всех деталях процесса экономических изменений, происходивших в жизни как отдельных народов, так и всей Европы, процесса не самого по себе, а в связи с отдельными явлениями и факторами жизни. Д.С. Роджерсу принадлежит первое и самое видное место в вопросе влияния экономического явления на ход событий, на существование взаимодействия между экономическим фактором и историческими событиями, что является главным в историко-экономической науке.

Д.С. Роджерс считал: «Немного можно насчитать таких событий в истории, на которые не был бы пролит яркий свет с помощью фактов, составляющих предмет изучения лишь одних экономистов» и далее: «метод исследования фактов, с помощью которого может быть предсказано будущее или вполне выяснено прошедшее, то, без сомнения, он может быть создан лишь путем изучения той части анналов, которая включает в себя данные экономической жизни» (Лучицкий 1891: 173). Биограф Д.С. Роджерса Джипбинс, отмечая его заслуги, писал: «Роджерс своими трудами дал первое прочное основание, почву для разработки и историкам, и экономистам, ибо, до последнего времени, и экономист, и историк, оба находились в одном положении. У первого были теории, но без фактов, у второго — факты, но без теории» (Там же: 176).

И.В. Лучицкий считал Д.С. Роджерса основоположником нового направления в исторической науке, ученым, благодаря которому на первый план было поставлено изучение «экономического фактора» и выяснение детального процесса экономических изменений, происходивших в жизни как отдельных народов, так и всей Европы (Там же: 172). Русский историк особенно высоко ценил большой статистический материал, поднятый Д.С. Роджерсом для раскрытия экономической истории Англии, т. е. той истории, без знакомства с которой открытие законов развития социальной жизни страны всегда будет лишено прочности (Там же: 175). И.В. Лучицкий считал, что экономическое направление обещает в ближайшем будущем радикально изменить то, что называют научной историей (Там же: 172). Тем самым он подчеркивал важность экономического направления в истории.

Такая позиция И.В. Лучицкого вызвала отрицательную оценку у Н.И. Кареева, считавшего, что историк «не избежал преувеличения» (Кареев 1894: 23). Такой вывод им был сделан на основании одной работы И.В. Лучицкого о Д.С. Роджерсе, о якобы «одностороннем экономизме Лучицкого» (Там же: 24.). Если признать точку зрения Н.И. Кареева, то И.В. Лучицкого надо было бы отнести к сторонникам материализма, однако будучи последовательным

позитивистом, он отрицательно относился к марксизму. Преобладание же экономической стороны в его исторических работах, по нашему мнению, объясняется его временным увлечением статистическим методом: последующие работы историка показывают, что он часто в одной плоскости рассматривал экономические, юридические и идеологические моменты при анализе фактического исторического материала (См.: Лучицкий 1882а: 264, 270–278, 305–308; 1878б; 1898: 53–56, 60–62).

В 1890-е гг. в исторической науке получил широкое распространение статистический метод, восходящий к позитивистской методологии. Распространение статистического метода отражало стремление исследователей дать более широкую трактовку данных, содержащихся в исторических источниках, произвести анализ источника на более высоком исследовательском уровне, точнее охарактеризовать тенденции и закономерности развития изучаемых явлений и процессов. Со статистическим методом И.В. Лучицкий связывал наиболее существенные успехи европейской исторической науки в последней четверти XIX в., в особенности в изучении экономической истории Западной Европы (Лучицкий 1893а: 205).

Специфика использования количественных методов в исторической науке получила широкое признание как у русских, так и у зарубежных ученых (Bourdeau 1888; Любович 1901). Среди русских историков, которые использовали этот метод, были Н.И. Кареев в работе «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.» и М.М. Ковалевский в работе «Экономический рост Европы». Однако М.М. Ковалевский указывал, что считать статистический метод «наиболее совершенным из всех тех, какими орудуют конкретные науки об обществе, нет никаких оснований» (Ковалевский 1905: 19–20). Отстаивая свое положение, в пылу полемики М.М. Ковалевский заявлял: «Я не вижу пользы в простом накоплении однородных данных и с полным недоверием отношусь ко всяким попыткам вывода так называемых средних чисел» (Ковалевский 1912: VII). Такая противоречивая позиция М.М. Ковалевского — с одной стороны, использование статистического метода, а с другой — его отрицание, объясняется тем, что он не придавал самодовлеющего значения тому или иному методу (Ковалевский 1905: 19–20) и стремился к сочетанию методов, обеспечивающих возможность для создания широких научных обобщений.

Отрицая статистический метод, М.М. Ковалевский выступил и против его применения в исторических работах у И.В. Лучицкого. Позицию И.В. Лучицкого по вопросу о статистическом методе в истории защитил от М.М. Ковалевского историк А.Н. Савин (Савин 1916: 181). Русский экономист, профессор Санкт-Петербургского университета И.И. Кауфман также признал метод И.В. Лучицкого в статистическом отношении правильным и строго научным. В современной отечественной исторической литературе Б.Г. Могильницкий, анализируя статистический метод И.В. Лучицкого, пришел к выводу, что он «...по существу лишь ограничился констатацией сделанных им наблюдений, не пытаясь проникнуть в глубину совершившихся в аграрной истории Франции XVIII века процессов» (Могильницкий 1969: 289). Аналогичную позицию

занял и Г.П. Мягков, считая, что И.В. Лучицкий выдвинул на первый план статистический метод (Мягков 1988: 108).

На наш взгляд, И.В. Лучицкий только применял этот метод в своих исследованиях, но не отводил ему главной роли в своих работах. Такая его позиция объясняется прежде всего тем, что он был по своему методологическому подходу позитивистом и не мог ограничиться в своих работах только общим методом. Таковую же точку зрения высказывает и отечественный историк К.В. Хвостова: «интерес к использованию статистических методов был связан с позитивизмом» (Хвостова 1980: 12).

И.В. Лучицкий один из первых обратил внимание на использование статистического материала в исследовании проблем общины. В 70–80-е гг. XIX в. западноевропейские историки фактически не обращались к статистическим данным, а если вводили их в свои труды, то лишь с описательной целью и в отрывочном виде. Статистике не придавалось самостоятельного познавательного значения. И.В. Лучицкий подверг резкой критике такое состояние в тогдашней науке и призвал историков исправить его (Лучицкий 1893б: 11). Он первый использовал статистический материал, имевшийся в источниках по украинской общине, и применил весьма совершенную методику его обработки. Составленные им статистические таблицы земельных отношений в одном из уездов Полтавской губернии не потеряли своего познавательного значения и сегодня. К сожалению, сам И.В. Лучицкий не ввел этот ценнейший материал в текст своих трудов.

«Статистика для историка, — по мнению Т.И. Славко, — это статистические источники, статистические данные, которые используются им при изучении социальных объектов, а также правила и способы накопления сведений о массовых явлениях и методы их обработки» (Славко 1981: 24). В настоящее время статистический метод с привлечением математических выкладок получил широкое распространение в отечественной исторической литературе (См.: Миронов 1975; Бородкин 1986; Математические методы... 1989), что подтверждает бесспорную правоту его первооткрывателя И.В. Лучицкого.

Большое внимание И.В. Лучицкий уделял методу «исторического переживания». В течение четырех лет он наблюдал жизнь крестьян ряда сел Золотоношского и Переяславского уездов. Особенно высоко он ценил сообщения старожилов, внимательно изучал многочисленные конфликты, связанные с борьбой крестьян за общинные земли, и другие примеры. Этот большой этнографический материал был им широко использован в научной работе (См.: Мякотин 1914: 19; Лаптин 1963: 23). Опираясь обширным документальным и этнографическим материалом, И.В. Лучицкий приступил к доказательству факта существования общины на Украине. Пользуясь ретроспективным методом, он неопровержимо доказал существование общины не только в Средние века, но и сохранение различных, даже архаических ее форм вплоть до середины XIX в. Так, историк приводит примеры, когда в некоторых местностях Приднепровья в 30–40-е гг. XIX в. в общинном пользовании находились не только угодья, но и пахотная земля (Лучицкий 1882б: 93; 1884: 16). Обращаясь к другим фактам, подтверждающим глубокие традиции общинного землевладения на Украине, исследователь приводит примеры из практики некоторых сел Золотоношского

уезда, где даже усадебная земля, и в том числе земля, отведенная под постройки, считалась собственностью всей общины и в случае выхода или смерти ее держателя возвращалась в общее пользование, как это было в Мутишинской общине (Лучицкий 1882в: 49). В некоторых селениях Кобелянского уезда И.В. Лучицкий обнаружил еще более поразительные факты, свидетельствующие о том, что еще в 80-е гг. XIX в. пахотная земля находилась в общем пользовании (Лучицкий 1882б: 93).

Круг интересов «русской школы» лежал в социально-экономической плоскости. Аграрные отношения стали центральной проблемой исторического исследования. Именно в области изучения социально-экономических отношений «русская школа» превзошла все предыдущие исследования, сумела сделать глубокие обобщения методологического характера. Теоретико-методологические воззрения представителей «русской школы» и конкретно-исторические взгляды их последователей свидетельствуют об определенном единстве устремлений историков. Прежде всего, речь идет о единстве методологической базы исследования. Все представители «русской школы» рассматривали историю с конкретных позиций позитивизма, признавая объективный характер явлений окружающего мира и прошлого, возможность его познания доступными человеку средствами, а также смыслы прошедшего. Это определяло очень внимательное отношение к историческому источнику, диктовало его скрупулезный анализ и тщательность сделанных на его основе выводов.

Литература

- Барг М.А.* Исторический факт — структура, форма, содержание // История СССР, 1971, 6, с. 82–100.
- Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.: МГУ, 1986.
- Кареев Н.И.* Экономический материализм в истории // Вестник Европы, 1894, 7.
- Кареев Н.И.* Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903.
- Кареев Н.И.* Пятьдесят лет деятельности И.В. Лучицкого // Научно исторический журнал, 1914, 1.
- Ковалевский М.М.* Современные социологии. СПб., 1905.
- Ковалевский М.М.* Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. СПб., 1912.
- Кон И.С.* Позитивизм в социологии. Л.: ЛГУ, 1964.
- Лаптин П.Ф.* Проблемы общины в трудах И.В. Лучицкого // Средние века, 1963, 23, с. 216–228.
- Лучицкий И.В.* Обзор литературы по философии истории за 1872 г. // Знание, 1873а, 9.
- Лучицкий И.В.* Очерк развития скептической мысли во Франции // Знание, 1873б, 1, 3, 8, 11.
- Лучицкий И.В.* Отношение истории к науке об обществе // Знание, 1875, 1.
- Лучицкий И.В.* Предисловие к книге «Описательная социология или группы социальных факторов, классифицированные и распределенные Г. Спенсером». Киев, 1878а.
- Лучицкий И.В.* История крестьянской реформы в Западной Европе с 1789 года // Университетские известия, 1878б, 10, 11, 12.

Погодин С.Н. Социология в творчестве историка Ивана Васильевича Лучицкого

Лучицкий И.В. Изменение в поземельном строе в Западной Европе в XV–XVI в. // Устои, 1882а, 37.

Лучицкий И.В. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине в XVIII веке // Отечественные записки, 1882б, 11.

Лучицкий И.В. Общинное землевладение в Малороссии // Устои, 1882в, 17.

Лучицкий И.В. Общинные формы землевладения на Днепровском побережье, 1884. Отдельный оттиск.

Лучицкий И.В. Джеймс Сорольд Роджерс (некролог) // Юридический вестник, 1891, 2.

Лучицкий И.В. Очерки по экономической истории Западной Европы. Киев, 1893а. Ч. 1.

Лучицкий И.В. Вопрос о населенности германских городов в XIV–XV вв. // Университетские известия, 1893б, 2.

Лучицкий И.В. Огораживание земель и общества охраны общинных земель в Англии // Русское богатство, 1898, 11.

Любович Н. Статистический метод в приложении к истории. Варшава, 1901.

Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М.: Наука, 1989.

Миронов Б.Н. Историк и математик. Математические методы в исторических исследованиях. Л.: Наука, 1975.

Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи либеральной медиавистики середины 70-х годов XIX — начала 900-х годов. Томск, 1969.

Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988.

Мякотин В. Труды И.В. Лучицкого по Малорусской истории // Научно-исторический журнал, 1914, 4.

Неусыхин А.И. Дмитрий Моисеевич Петрушевский (опыт характеристики) // Средние века, 1946, 2, с. 12–28.

Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб.: СПбГТУ, 1997.

Савин А.Н. М.М. Ковалевский как историк // Исторические известия, 1916, 6.

Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М.: Наука, 1981.

Соловьев Е.А. Г.Т. Бокль. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1895.

Спенсер Г. Описательная социология, или Группы социологических Фактов, классифицированных и распределенных Гербертом Спенсером / Пер. с англ. под ред. И.В. Лучицкого. Киев, 1878.

Тарле Е.В. И.В. Лучицкий // Голос минувшего, 1914, 1.

Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М.: Наука, 1980.

Bourdeau J. *L'Histoire et les historiens*. Paris, 1888.

Langlois Ch., Seignobos Ch. *L'introduction aux études historiques*. Paris, 1899.